
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В БУДУЩЕМ МИРЕ

Залывский Н. П.

заслуженный экономист РФ, д. э. н., проф., заведующий кафедрой
экономической теории и экономики приарктических регионов
Северного (Арктического) федерального университета
им. М. В. Ломоносова.
E-mail: n.zalyvskiy@narfu.ru

Статья затрагивает отдельные аспекты теории глобализации, прежде всего теории конкуренции ведущих государств за мировое лидерство в экономике. Автор сжато оценивает предшествующую историческую практику взаимодействия государств, давшую повод для полемики о возможности России стать одним из геополитических лидеров и закрепить за собой лидерские позиции. При этом внимание уделяется факторам, которые могут определять конструкцию отдаленного будущего. По мнению автора, устойчивое место в нем может принадлежать только цивилизации с сильным футурологическим представлением о последствиях современной геополитической практики. Глобальная конкуренция – один из таких факторов. Она диагностируется институтом конкурса государств на долговременное присутствие на исторической сцене в качестве лидера развития мира.

Ключевые слова: Россия, геополитика, глобальная конкуренция, футурологические перспективы, новая структура мировых лидеров, критерии глобального соревнования.

The work touches upon some aspects of the theory of globalization, first of all, the theory of competition of the leading States for global leadership. The author briefly assesses the preceding historical practice of interaction of the States. This practice is the basis for a debate around the idea of Russia's opportunities to become and to secure for itself the position of one of the geopolitical leaders. The attention is paid to the factors that may determine the design of the distant future. According to the author, only civilization with strong futurist representation of the consequences of the modern geopolitical practices will take a stable position in it. Global competition is one of such factors. It is determined by the Institute of the constant competition between the states for a long-term presence on the historical scene as a leader of the developing world.

Keywords: Russia, geopolitics, global competition, future prospects, the new structure of world leaders, the criteria of global competition.

Большинство государств ведет диалог со своим населением по задачам, которые планируется решить в течение 10–30 лет. Это общеизвестный факт. Наверное, в таком интервале времени физическое ощущение народами жизненных «заказов» (проблем) наиболее болезненно, поэтому на арене мировоззренческой дискуссии всегда много альтернативных проектов по краткосрочному исцелению от недугов цивилизации. Политической элите современных государств, обязанной чувствовать потребности своей нынешней «паствы», подобный подход позволяет удерживать власть.

И все же я исхожу из того, что правление с фокусированием на ближних проблемах застилает горизонты для долгосрочной (многовековой) перспективы управления обществом и народами, которые необходимо вести вперед. *Устойчивы те государства*, которые формируют путь своей исторической эволюции с учетом прогнозирования многовекового вектора общественного прогресса. И современный ученый зачастую потому современен, что он интересуется лежащим еще в пробирках научного знания в качестве гипотез, не попавших в поле зрения научной общественности, или не вынутым из закров исторической практики в виде предвестника нового мира, мало замечаемого в качестве нового императива. В частности, мне импонирует тезис автора одного важного исследования [Гринин 2007], пытающегося выделить контур взаимосвязи между развитием государства и глобальным историческим процессом, включая желание интерпретировать направлений развития современного государства. Однако автору данной статьи, уважающему ориентацию коллег на предшествующие эпохи, более интересен портрет мира отдаленного будущего человечества, естественно, применительно к цивилизационной роли и месту России в нем [Зальковский 2012: 91–112].

Заглянуть за долгосрочный горизонт мировой истории побуждают и проблемы современной геополитики, реакция на которые уже важна для прогнозирования возможности закрепления России в будущей истории земной цивилизации в качестве мировой державы. При этом полезно уточнить, что контуры будущего для России и мира все равно невидимы, не осязаемы и, возможно, иллюзорны, но миру нередко нужна даже иллюзия, чтобы не горевать о хлебе насущном сейчас.

Методологическим началом теоретических рассуждений, доминантой технологии изложения темы статьи выступают интеллектуальные толчки от фактов, зафиксированных на предшествующей и на данном этапе истории жизни человечества. Они уже обозначили едва различимые ростки новых версий возможного развития всех государств (народов) мира в рамках единого исторического процесса, когда многообразие портретов тех или иных государств как фрагментов всемирной истории иллюстрируют их конкретные дела. Наши дела придают специфическое содержание соответствующей фазе исторического бытия каждого народа. Если «история (то есть память о прошлом. – Н. З.) обладает огромной значимостью для людей» [Давидович, Аболина 1973: 53], то должны быть более ценны и идеи о будущем государств (народов), хотя бы потому, что *будущее бросает тень на жизнь их населения задолго до выхода его из лона матери*.

Меня всегда волновали пестрые картинки жизни людей в разных государствах (Египет, Германия, Норвегия, Швеция, Шри-Ланка, Турция, Болгария), ставших в силу служебных или личных пристрастий местами моего персонального ознакомления с Историей человечества. Я постепенно сформулировал тезис о паутине взаимных сцепок государств и их народов в историческом развитии. При этом

росло недоумение по поводу многословия об их далеком и близком прошлом, желания с радикальным тщеславием демонстрировать друг другу национальную (этническую) природу.

История жизни народов Земли и существующие глобальные проблемы их взаимовлияния становятся базовыми источниками спонтанного излучения подсознанием представлений о предполагаемой конструкции ожидаемого будущего. И это неудивительно, ибо любой исследователь может прогнозировать будущие глобальные процессы на базе усвоения уроков социальной практики. Эта земная гиря «привязывает» футурологические тезисы и суждения о том, как может развиваться человек и общество, к соразмерности полету мысли и ожидаемых очертаний будущего. И мне важно не оппонирование полету моих мыслей, а возникновение у равнодушного интеллектуала желания увеличить их, добавить в мельницу познания, перемалывающую всевозможные теории построения счастливого будущего для каждого жителя планеты, свой мешок истин и настроений в диалог настоящего и будущего.

Трудно предугадывать социальные катализаторы движения мировой истории, периодически теряющей колеса устойчивости, но никто не мешает нам быть субъектами дискуссий о наличии выбора исторической модели развития всего человечества. Требуется лишь самоопределиться с факторами, понуждающими государства и общества к конструированию своей футурологической судьбы. Для обеспечения цивилизационной устойчивости в ближайшем тысячелетии такая интеллектуальная работа необходима и России. Дело в том, что в глобальном соревновании цивилизаций она слишком долго находится перед дилеммой футурологической перспективы. При одном раскладе Россия обречена на историческое аутсайдерство. При другом, несмотря на наличие признаков для такого варианта ее будущей истории, Россия может освободиться от дамоклова меча данной перспективы.

Конечно, хаос мирового водоворота еще не раз будет путать карты большой истории человечества. Однако здесь допустима идеализация факторной роли и миссии России как субъекта мировой динамики. Прошлое – это то, что было. Будущее – то, что надо создать. При всех возможных перипетиях мировой истории важно равенство периода государственности России до 2012 г. и после него. И эта историческая возможность предельно реалистична, если все россияне станут субъектами позитивной истории страны, добросовестными творцами новых мыслей, инновационных технологий и политической воли к лидерству на каждом рабочем месте.

Память услужливо вывела из запасников научного знания предсказание этрусских толкователей о восьми поколениях людей, каждое из которых модернизировало уклад жизни по своему разумению и опыту. Мне остается предположить о своем месте в составе восьмого поколения, призванного к пониманию того, «что в мир явились люди, и живущие, и мыслящие по-иному» [Давидович, Аболина 1973: 44–45], способные быть предсказателями далекого будущего.

Иначе говоря, многие наши предшественники пытались *загодя увидеть тренд своей судьбы через зеркало глобальной конкуренции*. Вот почему углубление теории этой конкуренции можно воспринимать как вступительный взнос в теоретическое предвидение глобальной конструкции мира за горизонтом XXI в. Это одно из ключевых условий успеха России в глобальной конкуренции супердержав

по удержанию цивилизационного первенства. Пока в России живет свежая геополитическая мысль, у нее есть шанс создавать передовое общество мира.

Создавать новую модель общества лучше, когда смотришь вперед, видишь те требования и вызовы, которые исходят из рассматриваемого горизонта будущего государства. Не случайно мозг сразу ухватился за ветки дерева растущего внимания к проектированию траектории развития России [Солдатов 1993; Григорьев и др. 2007; Россия... 2007; Global... 2008], выхватил фрагмент рассуждений Н. Петрова о целесообразности оперирования утопическими и антиутопическими моделями перехода современного мира к будущему – желательному и нежелательному. Все они, как правило, являются вариантами построения идеального будущего. Однако именно неясность или невозможность попасть в него, не освободившись от проблем современной истории человечества, и подтверждает, что «рассмотрение образов последнего во всей сложности функциональных подсистем и взаимоотношений между ними – полезный инструмент, в том числе и с практической точки зрения» [Петров 2008: 7].

Эфемерность образа далекого будущего, во многом непредсказуемого, тем не менее снимает сомнения в возможности определения вектора эволюции различных государств мира, если даже единственным инструментом толкования ожидаемой истории человечества останется гадание на кофейной гуще. Оно при логической линейности анализа вполне могло дотянуть до рациональной реалистичности исторических последствий растущего взаимодействия существующих ныне цивилизаций, стать инструментом гносеологической свободы мысли, неформального осмысления доминирующих закономерностей в глобализационной динамике развития мира. Глобализация, будучи энергетическим генератором интеграции стран и народов всего мира, объективно будет менять параметры соотношения государств (народов) в мировой системе. Она будет выстраивать новую структуру всего мира на базе мотивации народов и стран к взаимному сближению в политике и культуре, экономике, включая показатели уровня и качества жизни.

Пожалуй, самым радикальным исходом глобализации, феноменом ныне многообразных национальных и этнических компонентов мира может оказаться унификация социокультурного мировоззрения (бытия) человечества. Не будем только цирковыми иллюзионистами, ибо подобное явление может оказаться чертой цивилизации в весьма отдаленном будущем, даже за пределами третьего тысячелетия нашей эры. Единственное, что я должен подчеркнуть именно здесь, – *непреложным моментом процесса перехода человечества к новой структуре мира выступает геополитическая гегемония государств за место в мире* (субрегионе) и мировой авторитет. Концепции гегемонизма будут видоизменять систему глобальных взаимоотношений стран и народов, поэтому *неизбежность приобретения миром нового облика будет сопровождаться конкуренцией стран за повышение факторного влияния на мировое развитие, на международные институты – субъекты организации глобального порядка*. Вероятный характер использования инструментария мирового лидерства, безусловно, чрезвычайно сложный объект научного предвидения.

Политики и экономисты, рядовые граждане мира и национальная элита стран обладают интуитивными и рациональными эмоциями, придающими ту или иную степень погружения в философию глобального развития мира. Все они что-то

знают о глобализации, пытаясь изложить свое представление о будущем месте в мире научными или фантастическими инструментами. В диагностике динамики глобальных тенденций не исключить системную трудность: *нельзя преодолеть время, которое невозможно увидеть и ощутить.*

Венчание наших взглядов на будущее может иметь место тогда, когда это будущее поднимет «на-гора» хотя бы одно абстрактное свидетельство, подтверждающее сходство наших размышлений с ходом истории, с направлением развития обсуждаемых процессов. Кто-то может увидеть будущее, но оно не гарантирует возврата адекватной реальности. Юношеская влюбленность двоих, благоухающая счастьем, – это еще не страховой полис счастливому браку даже на первом этапе семейной жизни!

Один из таких алгоритмов апробирован в художественной форме, а именно в романе Пьера Жиффара «Адская война» [Жиффар 1991: 212, 326–328], вышедшем в 1913 г. В какой-то мере этот фантастический роман обозначил вероятность борьбы ряда стран за лидерство в мировой коалиции государств, предложил вымышленную реальность о диспозиции разных государств. В нем были представлены две расовые модели господства в мире: белого (во главе с США, Англией и Францией) и желтого человечества (Китай и Япония), показана воображаемая война в 1937 г. с участием антикитайской коалиции европейцев. Европейцы провели по Уралу Белую линию, за пределы которой не должно распространяться влияние Китая. В романе симптоматичны два момента. Представители США впервые почувствовали способность не только справиться с японцами, китайцами, англо-французскими силами, но и смогли предвидеть слабость России в мировых делах из-за ее классических пороков: серьезного отставания от европейских стран во многих областях, злоупотреблений.

В фантастическом проектировании будущего – близкого или неведомо отдаленного – я вижу крупницы намеков на реалистичность отдельных мгновений социально-исторического процесса развития общества и человека. Последующая история, которая нам уже известна из учебников, скорректировала те или иные тенденции развития механизма отношений между ведущими державами мира. То, что не случилось, осталось пребывать в фантазийном ощущении автора. То, что близко реальной истории, лишь подтверждает: *любой прогноз будущего состояния мира находится в неравном браке с современной практикой жизни народов.* Он может двигаться к реалистичности, прислушиваясь к мнению одного из семи греческих мудрецов – Бианта из Приены (642–577 гг. до н. э.) – о времени как лучшем советнике.

Политическое и военное положение стран в будущей большой истории – нередкий предмет разыгрывания прогнозов, косвенно подчеркивающих пристрастие их авторов к признанию или отрицанию лидерского потенциала у каких-либо государств. Но вымышленность фрагментов будущего человечества уже подтверждает наличие течения общественной мысли, где предполагаемые события – возможные или желаемые (с позиции автора) – *это своеобразная мировоззренческая почка на ветке вероятного развития мировой истории.* Она уже растет на почве циркулирующих в обществе ожиданий и догадок, уже является элементом бытия современной истории того или иного народа (государства).

Ныне многим понятно, что составным звеном всемирного взаимодействия и взаимозависимости государств является глобализация мира и интернационали-

зация национальных хозяйств, культур. *Ключевым признаком современного политического мира, системы межгосударственных отношений все явственней становится глобальная конкуренция.* Она во многом определяет тип, характер и динамику сотрудничества (противостояния, конфронтации) между странами по поводу установления правил развития цивилизации и управления глобальными интересами человечества. Закономерно, что современники – государственные деятели, ученые разных профилей науки – часто затрагивают различные аспекты глобальной конкуренции. При этом первые подразумевают получение политической выгоды от своевременного реагирования на международное событие, вторые – от публичного декларирования своей научной состоятельности как потенциального предложения для получения выгодного предложения по анализу геополитических процессов, без которого власти трудно самоопределиваться в системе координат межгосударственных отношений.

И мне пора подчеркнуть неразрывность теории и практики развития мирового сообщества от теории глобальной конкуренции и практики отношения (участия) государств к международным событиям (процессам). Как для отдельного человека, так и для каждого государства *стремление к росту авторитета было и остается неизменным атрибутом принципов (мотивов) деятельности.* К авторитету, то есть, в данном контексте исследования, к усилению роли государства в глобальном мире. Ему помогает использование разных способов и инструментов международной политики, к нему ведут разные методы конкурентной борьбы, выборочная интенсивность достижения ее целей (Рис.).

Неизменной монетой глобального соперничества выступает только борьба за оптимальные режимы использования конкурентных преимуществ государства в существующей системе межгосударственных отношений, за незыблемость его места в институтах управления глобальным миром.

Далее я буду исходить из того, что глобальная конкуренция – главный институт политической и экономической экспансии ведущих государств мира в различные сферы глобального пространства (культурного, духовного, экономического) других стран, находящихся на периферии мирового развития. Если грубо, то **глобальная конкуренция – это непрерывный конкурс государств и народов на максимально долгое присутствие на карте мировой судьбы.**

Решением этой задачи занимались уже страны Древнего мира. Геоидеологическая потребность обусловила зарождение геополитического мышления в государствах Древнего Востока (Древняя Индия и Древний Китай), заложила истоки западной геополитической традиции, породила геополитические идеи Древней Греции и Древнего Рима (Римской империи).

Успехи и просчеты государств в обеспечении геополитических преимуществ во многом связаны с целями их присутствия в международных делах, участия в мировых событиях, давления или поддержки какой-либо страны. Недопустима унификация целей и предмета глобального содействия страны с окружающим миром, ибо не все вечно в подлунном мире. В нем гаснут не только звезды далеких галактик, но и закрываются книги жизни отдельных народов, стран. *Способность видеть перемены в мире должна быть признанием недостатков в воззрении государства на этот мир.* Тогда объективность условий конкурентного сообщества государств может выполнять функцию автоматического акселератора энтузиазма к заблаговременному обновлению аппарата адаптации к динамике глобальных вызовов.

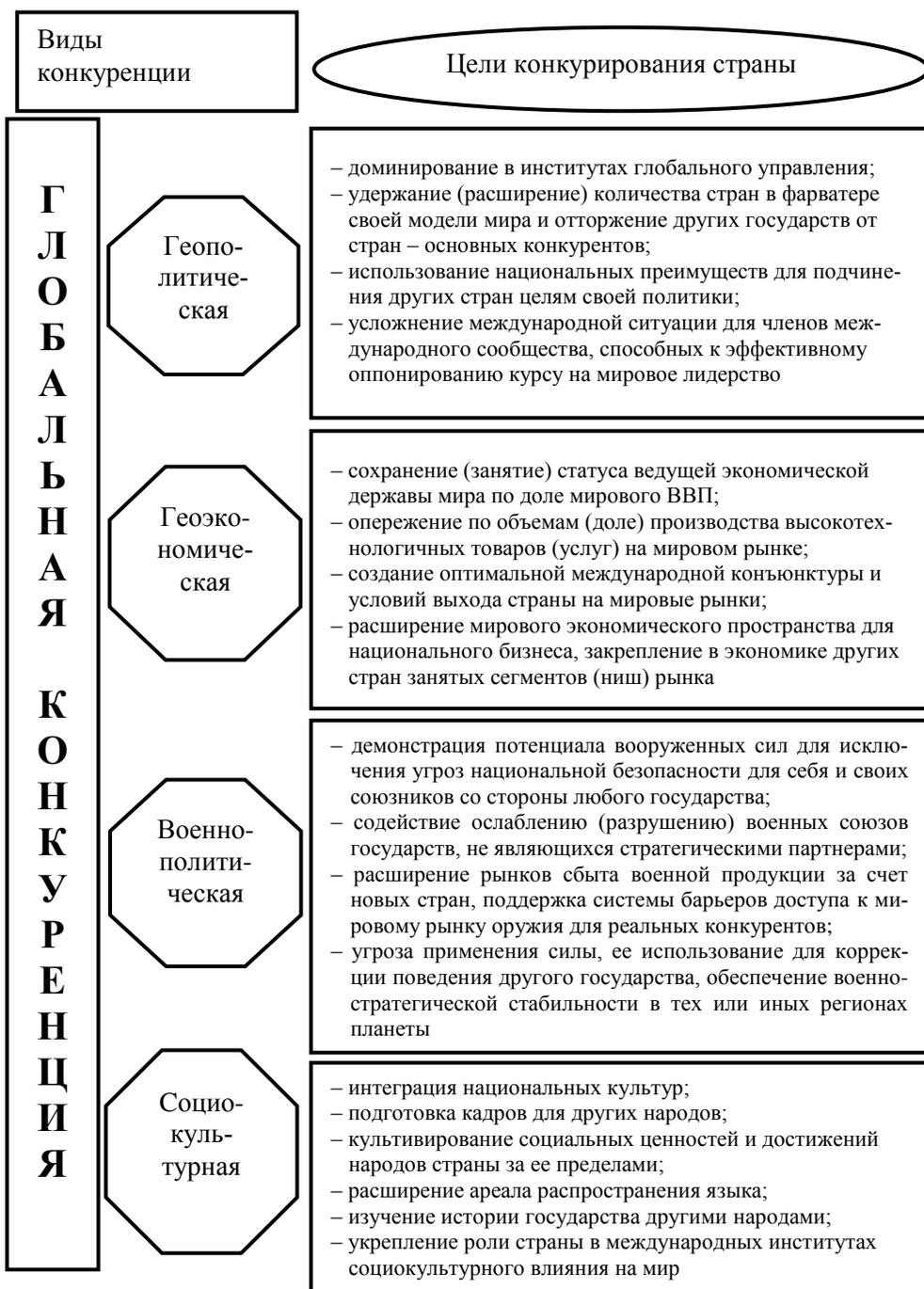


Рис. Основные виды и цели глобальной конкуренции государств

Экономисты, анатомируя природу рыночной конкуренции, выделяют множество ее видов и форм, но видят прежде всего диаметрально различие между совершенной и несовершенной, добросовестной или недобросовестной конкуренцией. В геополитике также допустимо оперирование этими видами глобальной конкуренции. Любое крупное государство чувствует своих конкурентов, соизмеряет их ресурсы с накапливаемым потенциалом своего влияния на них. Ему нужна уверенность в незыблемости своего места и роли в мировых делах, свобода от тревоги оказаться в хвосте человеческой цивилизации, когда возникает обязанность глотать отходы ее развития.

Было бы уместным, учитывая большое количество государств на современной площадке глобального взаимодействия, относить их борьбу между собой к совершенной глобальной конкуренции. Каждая страна свободна входить и вправе выходить из любого международного института, из любого сегмента мировой экономики, а также распространять по всему миру идеи и ценности своих народов. Каждый выбор может диктоваться добрыми намерениями, искусствами политической целесообразности, натиском геополитического рвения (глупого, ответственного, агрессивного). Чаше, к сожалению, страны поступают как люди: там, где явственна выгода от опережения соперника, доминирует недобросовестная политика, монополистическая конкуренция, картельный сговор страны-лидера со своей группой ведомых государств. Конфуз с Ираком (ноябрь 2012 г.), запустившим информацию об отмене четырехмиллиардного контракта с Россией на покупку вооружения, разное отношение России и западных стран к «арабской весне» (в Сирии), специфика интересов РФ и США в Венесуэле, интернационализация Арктики и национальная легитимность России – отзвуки этой геополитической борьбы.

Теория глобальной конкуренции позволяет понять политические тенденции эволюции присутствия того или иного государства в глобальном процессе, событиях, в изменении его позиции по мировым проблемам развития. Все это делает более прозрачными уже свершившиеся факты деятельности государств. Этого знания явно мало для проектирования будущих действий, для заблаговременного прогнозирования государством-конкурентом международных условий для легитимного воспроизводства национальных интересов, сохраняющих или увеличивающих присущие ему конкурентные преимущества.

Теория глобальной конкуренции может быть как полезной наукой, так и деструктивным фактором. Последнее имеет место, ибо совпадение разных обстоятельств международного события – исключительная редкость глобальной политики. И частота извлечения урока из практики предшествующих международных коллизий зашкаливает именно тогда, когда повторение – уже не «мать учения», а стратегическая ошибка политического топ-менеджмента. Что же ведет к ней? Неадекватность выбора страной линии движения по руслу глобального процесса. Недостаток умения видеть, выделять и использовать нюансы новых исторических обстоятельств взаимодействия с глобальным миром, вплоть до учета субъективных, например морально-психологического самочувствия людей, управляющих в данный момент эпохи другим государством.

Глобализация для каждого государства, обладающего факторным потенциалом влияния на всемирную историю человечества, становится резонатором новых

стратегий геополитического позиционирования. Они реализуются в их действиях, проявляются через заявления их государственных, политических и общественных деятелей. Зачастую в них преломляется культура и этика геополитики. Но каким образом? Отдельные государства во взаимоотношениях с участниками глобальных событий нередко исповедуют этику двойного стандарта, вольную интерпретацию норм международного права, политическую мораль: розовые очки – для попутчиков своей политики; прокурорское менторство – для ее оппонентов. Поэтому история нуждается в изучении характера публичных деклараций и смысла последующих действий государств. Результаты такого изучения отразят корректность или компрометацию идеологии мирового лидерства страны, претендующей на роль субъекта организации глобального мира и морально-политический авторитет в нем.

В глобальной конкуренции лучше побеждать миром (компромиссом), чем военной силой – ограниченной или всеобщей мобилизацией. Сотрудничество и отложенные актуальности политики конкуренции продуктивнее, чем эскалация невылеченных болезней взаимного общения и агрессивное давление на партнера. В глобальной политике целесообразно правило «холодной спешки», когда феномен эмоционального нетерпения не затмевает у лидеров государств рациональную логику политического реагирования на неприятные, а тем более неожиданные события в окружающем мире. Чем продолжительнее период холодного контакта с другим государством, тем медленнее должна запрягаться лошадь с возом оружия для его исправления – политического, экономического, военного.

Теперь выделим еще один критерий участия государства в глобальном соревновании. *Это наличие у него морально-политического права на самоинституализацию идеологии глобальной гегемонии, ее инкорпорацию в общественное сознание граждан страны.* Социальной и психологической предпосылками практики ее политического культивирования не может не быть соизмерение ресурсного потенциала с фактической ролью государства (группы государств) в мировом сообществе, прежде всего природного, технологического, экономического, военного, интеллектуального. Еще важнее прогнозная корреляция сил и средств воздействия на параметры состояния и развития глобального пространства жизни человечества с футурологической перспективой изменения места государства в международном сообществе, мировой экономике. Почти все эти критерии можно свести к группе базовых индикаторов определения оснований той или иной страны (международного объединения государств) для потенциального мирового лидерства

в экономике.

На наш взгляд, к ним можно отнести:

- долю страны в мировом ВВП;
- доминирование страны на мировых рынках товаров (услуг), определяющих технологическую прогрессивность национальной экономики;
- долю в мировом экспорте товаров (услуг), капитала, рабочей силы;
- более высокие темпы экономического и социального развития страны в долгосрочном интервале времени;

– существенное опережение уровня и динамики производства ВВП на душу населения по сравнению с группой индустриально развитых стран (например, «Группы 20»);

– нахождение в первой двадцатке стран по показателям сопоставления наиболее важных международных индикаторов с тенденцией движения в первую десятку;

– возможности военно-стратегического воздействия на другие страны, доля затрат на оборону в структуре ВВП и по сравнению с объемами затрат государств – других потенциальных лидеров процесса мирового развития;

– степень представительства государства в ведущих институтах глобального управления миром и высокий уровень поддержки ее субъектами позиций государства.

Конструирование места в геополитических координатах будущего мира может выполнить плодотворную работу по пересмотру нынешних притязаний отдельных стран на ведущую силу глобальной конкуренции. Для этого *политические институты государств и общество должны найти приемлемое сочетание возможностей настоящего и будущего*, выключая из общественных ожиданий быль о молочных берегах, шоколадных реках и волшебной силе духа народов, пока пораженных потенциалом жизни на прожиточном минимуме. Футурологическое ожидание оправдывается там, где есть и обновляется комфортная социальная модель жизни для всех членов общества. Геополитика быстро превращается в стратегическую манипуляцию моральным здоровьем нации (народов), если ее субъекты уподобятся шаловливым детям, о будущем которых казенно думает детский дом, а не родная семья, заинтересованная в шедевре воспитания наследника с умением капитальной постройки конструкции нового мира, соответствующей концепции его жизни.

К тому же иллюзорно олицетворять нахождение страны в десятке современных супердержав единственным подтверждением достойной исторической судьбы государства в будущем. Не надо обещать народам рассеивание солнечного ветра, если нет необходимой для этого технологии! Лучше без спешки совершенствовать свой маленький дом, чем развенчивать миф о неспособности быть лидером цивилизации. Швейцария не похожа ни на одного современного лидера мира, но тем не менее ее граждане живут в обществе, которое радуется стабильностью развития и уверенностью в этой стабильности. *Лучше жить в обществе, где никому не требуется спасательный жилет от невзгод спешки, чем бежать за лидером, разрывая промежность от перенапряжения исторических амбиций*. При неумении страны сопрягать расходы по достижению несбыточного желания с заботой о качестве жизни своих граждан, достойном их уже сейчас, идея мирового лидерства любого государства лишена гуманитарной составляющей и соответственно уже может объявляться антиисторической утопией.

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. (Veber A. B. Modern world and the problem of global management // Age of Globalization. 2009. No. 1).

Григорьев Л. и др. Коалиция для будущего: стратегия развития России в 2008–2016 гг. М., 2007. (Grigoriev L. et al. The coalition for the future: Strategy of development of Russia in 2008–2016. Moscow, 2007).

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: монография. М. : КомКнига, 2007. (Grinin L. E. State and historical process: Monograph. Moscow: KomKniga, 2007).

Давидович В., Аболина Р. Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М. : Молодая гвардия, 1973. (Davidovich V., Abolina R. Who are you, mankind? Theoretical portrait. Moscow: Molodaya gvardiya, 1973).

Жиффар П. Адская война. Л., 1991. (Zhiffar P. Hellish war. Leningrad, 1991).

Залывский Н. П. Миссия лидерства России в мировом движении: реальности исторической практики и теория футурологической надежды // Вестник международного «Института Управления». 2012. № 5–6. С. 91–112. (Zalyvsky N. P. Mission of leadership of Russia in the world movement: Realities of historical practice and theory of futurological hope // Herald of the International 'Institute of Management'. 2012. No. 5-6. Pp. 91–112).

Петров Н. Время дивергенции // Pro et contra. 2008. № 5–6. С. 8–23. (Petrov N. Time of divergence // Pro et contra. 2008. No. 5-6. Page 8–23).

Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. М. : Правда, 1987. (Plutarch. Chosen biographies. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1987).

Россия 2017: три сценария / под ред. О. Кууси, Х. Смит, П. Тихонен. Хельсинки, 2007. (Russia 2017: Three scenarios / Ed. by O. Kuusi, H. Smith, P. Tiihonen. Helsinki, 2007.)

Солдатов С. Россия в поисках исцеления. М. : Вест-Ост Ренессанс, 1993. (Soldatov S. Russia in search of curing. Moscow: Vest-Ost Renaissance, 1993).

Global Trends 2025: A Transformed World. 2008.